

Софья Бондаренко

Дневник Августа Майера

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
Б81

Бондаренко С.

Дневник Августа Майера / Бондаренко С.; ред. Алёшина О.
Н.; худ. Бондаренко С. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. —
39 с.

ISBN 978-5-532-93360-6

Мы есть незаконченная, разбросанная по углам временной материи архитектура мыслей и чувств, отчего вопрос метаморфоза личности остаётся неизбежным вопросом философии, во власти которой находится Франц. Васильковский дом, изысканный сад, сочная трава олицетворяют прошлое, то, без чего не может быть настоящего. Устойчиво ли то пространство, в котором существует Франц? Или оно лишь создаёт иллюзию этой устойчивости?

ISBN 978-5-532-93360-6

© Бондаренко С., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Предисловие	4
Композиция апреля	6
Думы	14
Распад действительности	20
Персиковый пирог	23
Медовый слог	27
Дивный сад	31
Излом души	35
Жертва и Бог	38

Предисловие

«Дневник Августа Майера» – философский рассказ, основная мысль которого завуалирована сладостным и прекрасным воздухом пространства. Архитектура мыслей и чувств, что зарождаются в залитом весенним светом уголке души, оставляют след во временной материи, создают в ней проникнутый единством портрет человека.

Философские вопросы, что разгуливают по витиеватой тропе сознания, принимают облик предположений, способных изломить структуру мыслей, отчего недостаток чего-то небольшого, но существенного заполняет пустотой различаемую разумом форму существования.

Красота пространства способствует растворению и умиротворению личности, что находится в постоянном поиске ответа на тревожащие её душу вопросы о собственном предназначении и устойчивости того пространства, в котором заключено её существование.

Особую роль в произведении играет цветовая гамма пространства. Так, белый цвет, что находит своё отражение в молочных лепестках роз, пушистых облаках, символизирует чистоту и совершенство. Бежевый цвет, проникающий в льняные ткани одежды, олицетворяет мягкость и нежность. А цвет очаровательного василька, окрашивающий прелестный домик и бездну небесных волн, иллюстрирует глубину другого, неизведанного мира, стремление к идеалу и превращение личности, её ренессанс в иной форме тела.

Изнеженные, молочные, скромные и затуманивающие разум цвета способствуют должному раскрытию идеи произведения, её превосходству над изысканным пространством, что олицетворяет её особую значимость для понимания основной мысли рассказа.

Метаморфоз характеристик души, вкусов и предпочтений личности растекается по извилистому слогу произведения, наполняя его изяществом, способным вместить в себя особую философию духовного состояния человека.

Метафоричность жизни рассматривается с помощью прекрасных образов, что создают иллюзию понимания действительности, но вместе с тем её значимость для восприятия и воспитания собственной личности.

Композиция апреля

Весенний вечер сопровождал уходящее в неизвестность солнце сладким ароматом липы, которая неуверенно поселилась рядом с крупным дубом, величественно охраняющим спокойствие каждого жителя этого монументального здания, что с уважением и честью предоставляло свои покои важным и сановным людям. Мне порой казалось, что Санкт-Петербург не может относиться к почитателям пышных объятий, потому что город часто скрывал своё лицо туманом и пронизывающей влажностью. Его чистые слёзы, что сбегали с серого неба, нередко наводили тоску на старые улицы с изысканной архитектурой, беспечных и обременённых заботами прохожих, ступающих по благолепным улицам или уютным скверам, и даже на белоснежных чаек с коричневатыми шляпками на головах, которые завидно смотрели на гордых голубей, нашедших кусочек белого и свежего хлеба. Но в тот прелестный вечер случилось так, что город принял торжественный и церемониальный вид. Он расцвёл ласковым светом, тёплым и радушным солнцем, свежей, несколько малахитовой зеленью и нежным, приятным запахом цветов, высаженных многоречивой консержкой.

Закончив играть новую партию на изнеженном в объятиях солнечных лучей фортепьяно, я повернул голову в противоположную сторону от большого окна, занавешенного бархатными шторами: на меня глядело худое лицо Генриха Константиновича и слегка улыбалось нелепыми морщинками. Голубые его глаза прятались за тонкими стёклами, скованными тяжёлой оправой, и отражали теплоту души, что существовала в искусно сложенном теле. Со стороны этот человек мог показаться достаточно серьёзным и грубым, потому как его уверенный голос в большинстве случаев заставлял слушать до конца каждую произнесённую фразу, что являлась слепком сознания педагога в данный момент времени. Вероятно, Генрих Константинович желал, чтобы его мысли, нашедшие отражение в связанных между собой словах, произвели определённое впечат-

ление на слушателя, погружив человека в атмосферу размышлений. Должен сказать, что мой педагог по фортепьяно был достаточно образованным, деловым и солидным человеком, хорошо знающим своё место в жизни и наслаждающимся каждым мгновением, проведённым в работе. Казалось бы, деловой гражданин должен носить идеально выглаженную накрахмаленную рубашку, заправленную в тёмные брюки с явно обозначенными стрелками, иметь на шее сдержанный галстук, часы, сковывающие грубым ремешком запястье и напоминающие о том, что свободное время подходит к концу, чёрные, вычищенные до блеска ботинки. Генрих Константинович, по правде говоря, считал это абсурдом, поэтому надевал костюмы только на какие-нибудь концерты, в особенности на музыкальные вечера, которые ему необыкновенно нравились. Небрежный ворот рубашки этого человека позволял мне судить о душевной простоте педагога и приземлённости, которая, к сожалению, есть не у каждой важной персоны. На тот момент Генрих Константинович занимался со мной почти два года, и, наверное, мне стоит сказать о том, что я действительно был счастлив знакомству с таким талантливым педагогом. Сам он играл на фортепьяно довольно редко, но так красиво, что даже чёрствая личность не могла оставаться равнодушной к звучанию музыкальных партий в его исполнении.

— Франц, это было превосходно, — похлопав меня по плечу, произнёс Генрих Константинович и посмотрел мне в глаза.

Я, конечно, нечасто видел его в подобном расположении духа, такое настроение сложно передать словами. Кажется, что ты становишься для человека самым необходимым условием существования. Ещё чуть-чуть, и он поделится с тобой самым сокровенным, откроет тебе самый таинственный уголок своей души, самый настоящий. Только смотря человеку в глаза, ты понимаешь всё его отношение к тебе, его честную любовь, правдивые чувства. Глаза человека для меня всегда являлись чем-то особенным. Взгляд Генриха Константиновича был для меня одним из самых искренних, я доверял ему и понимал, что вижу перед собой настоящего гения, человека, способного поддержать меня в сложной ситуации, научить искусству и всегда вдохновить на создание новых композиций. Генрих Констан-

тинович стал для меня настоящим другом, который любил философствовать о жизни, рассуждать о творчестве и о музыке, манящей его куда-то далеко, неизвестно куда, но не способной лгать и предавать.

– Спасибо, должно быть, я увлёкся прекрасным видом, потому произведение показалось вам осмысленным.

– В твоих словах блуждает правда, я и сам нередко черпаю вдохновение из окружающего меня пространства, – произнёс Генрих Константинович, небрежно поправив очки, съехавшие на кончик его прямого и значительного носа, что всегда казался мне довольно официальным элементом его неопределённого лица.

Некоторое время мы сидели в тишине, наслаждаясь умиротворением случившегося вечера. Спокойствие проникало в тело, насыщая воображение воздушными мечтами. Занавески непринуждённо раскачивались от скромного дыхания ветра, который наполнял комнату лёгкой прохладой, способной нарисовать мелкую дрожь на удобно расположившемся в мягком кресле теле. Необыкновенная атмосфера царила и в душе, поющей сладкими мыслями о чём-то возвышенном и прекрасном.

В подобных ситуациях я нередко остаюсь благодарным времени, стремящемуся подарить самые сокровенные и нужные минуты. Порой, время может замедляться, чтобы мы смогли ощутить настоящее богатство случившегося момента, почувствовать людей, которые существуют рядом с нами, отдохнуть от хаоса обстоятельств, окунувшись в сладость прелестных мечтаний.

Звук ключей прервал монолог тишины. Он пробежал через коридор и упал прямо на неказистое ухо Генриха Константиновича, из-за чего тот слегка дёрнулся, потому что успел провалиться в короткий сон.

– Я немного задремал, – произнёс Генрих Константинович, проведя сухой ладонью по лицу. – Должно быть, к нам пожаловала Нина Александровна?

– Полагаю, что да, – непринуждённо ответил я своему педагогу и слегка потягиваясь, встал с тёмно-зелёного кресла, походившего на предмет эпохи ренессанса, чтобы встретить мать.

В коридоре стояла хрупкая женщина невысокого роста. От неё веяло цветочным ароматом самых изысканных и необыкновенно дорогих духов. По правде сказать, Нина Александровна любила быть окружённой приятными ароматами, поэтому различные запахи стали неотъемлемой частью её жизни. Туалетный столик этой женщины хранил в себе множество самых различных и интересных флакончиков, расцветающих вкусными нотами ароматов. Так, она стояла перед нами подобно ангелу, спустившемуся на землю. Кружевное платье облегло её балетную фигуру, подчёркивая тонкую талию. Оно словно олицетворяло внутреннюю нежность этой женщины, говоря каждому, кто осмеливался бросить на неё свой взгляд, о духовной красоте. В большинстве случаев Нина Александровна носила на голове небольшой пучок, закреплённый невидимками с жемчужинами на концах, что придавало образу ещё большую солидность и привлекательность. Утончённые серёжки украшали аккуратные её уши и приятно играли миниатюрными кристалликами на свету.

– Как прошёл ваш урок? – поинтересовалась мать, слегка улыбнувшись и повесив прямоё чёрное пальто на причудливую вешалку.

– Чудно, – причмокнув как ребёнок, ответил Генрих Константинович и похлопал меня довольно значительно по плечу.

– Да, сегодняшняя игра на фортепьяно показалась мне необыкновенно лёгкой.

– Приятно слышать, – произнесла нежным голосом Нина Александровна и достала из пакета светлую коробочку, искусно связанную лентой. – Я зашла в кофейню и решила купить несколько пирожных, не хотите выпить чаю?

– Пожалуй, соглашусь на столь приятное предложение, но буду вынужден покинуть вас относительно скоро, потому что иду на вечер музыкальных композиций. А когда подойдёт Роберт? Хотел бы с ним побеседовать.

– Думаю, сегодня отец не заставит себя долго ждать. У него была назначена всего лишь одна встреча, – ответил я и, налив в чайник прохладной воды, поставил его на газ.

– Хорошо, должно быть, получится его застать.

Мать развязала своими тоненькими пальцами серую ленту и, открыв коробочку, выложила на блюдца пять пирожных с заварным кремом и лепестками арахиса. Через некоторое время вскипел чайник, и когда был заварен ароматный с отголосками лесной черники чай, тёплая жидкость наполнила бирюзовые чашечки с интересной ручкой.

Мать начала рассказывать про лекцию о классическом танце, которую читала несколько часов назад в одном из Санкт-Петербургских институтов искусств. Она говорила очень красиво, оформляя свою речь, словно ограня драгоценный камень. Мы с Генрихом Константиновичем внимательно слушали её рассуждения о танцорах балета, изредка дополняя повествование собственными высказываниями. Подобные диалоги постоянно рождались в нашем доме, что мне необычайно нравилось. Нина Александровна, как человек образованный и уважающий сам себя, всегда удивительно раскрывала темы случившихся разговоров, а я старался запоминать её суждения и объяснения той или иной ситуации.

Погрузившись в оживлённую беседу, мы чуть было не пропустили прихода отца, который, сняв верхнюю одежду в коридоре, неспешно зашёл на кухню, чтобы поцеловать нас с матерью и преподнести ей букет нежных ромашек в честь создания нового блюда из молодых овощей, сочной форели и медового соуса с фенхелем в своём ресторане.

– Генрих Константинович, рад и нашей с вами встрече! – произнёс отец и пожал моему педагогу жилистую руку.

– Я тоже, ждал вашего прихода, через несколько минут должен буду уйти на вечер музыкальных композиций. Хочу сказать, что успехи Франца в музыке становятся всё более значительными, у меня есть к вам некоторое предложение, которое я бы хотел озвучить исключительно наедине.

– Я вас понял, давайте перейдём в гостиную, – произнёс мой отец, и они вместе с Генрихом Константиновичем удалились на некоторое время из кухни.

Допив ароматный чай, мать убрала пирожные в один из шкафчиков и принялась за чтение классической литературы. Я же в это